

формальных отношений с университетом: он не хотел мириться с мыслью, что Лев Николаевич снова останется без помощника по канцелярии.

Прочтя телеграмму, Лев Николаевич спрашивает меня, в чем состоят дела. Я объясняю.

Надо же было Сухотину в этот момент предать меня!

С невиннейшим видом он заявляет:

— У Валентина Федоровича есть еще причина поехать в Москву: ему хочется попасть на бал...

— Как бал?! Какой бал?!

Легко можно вообразить мое смущение. Хорош новый помощник: готов бросить работу, чтобы отправиться на бал!

Я что-то лепечу в свое оправдание, но Сухотин, этот добрейший и милейший человек, безжалостно меня опровергает, на основании моего же собственного сообщения, сделанного ему днем...

Лев Николаевич нахмурился.

— Ну что же, поезжайте, — сказал он. — Мне никого не нужно!.. Вот Саша завтра встанет (Саша никак не могла встать «завтра»!) и опять будет мне помогать. А мне никого не нужно... Я и один управлюсь... Мне никого не нужно!..

Этот мрачный тон Льва Николаевича, это беспрестанное повторение одних и тех же слов — «мне никого не нужно» — повергли меня в отчаяние...

Конечно, — говорил я себе, — я рассуждал немного легкомысленно, но неужели Лев Николаевич не знает, что я на все готов итти, чтобы только не огорчать его и быть ему полезным?!

А Сухотин-то, Сухотин!..

Разумеется, на другое утро я совсем отказался от поездки в Москву, заявив, что дела вовсе не так